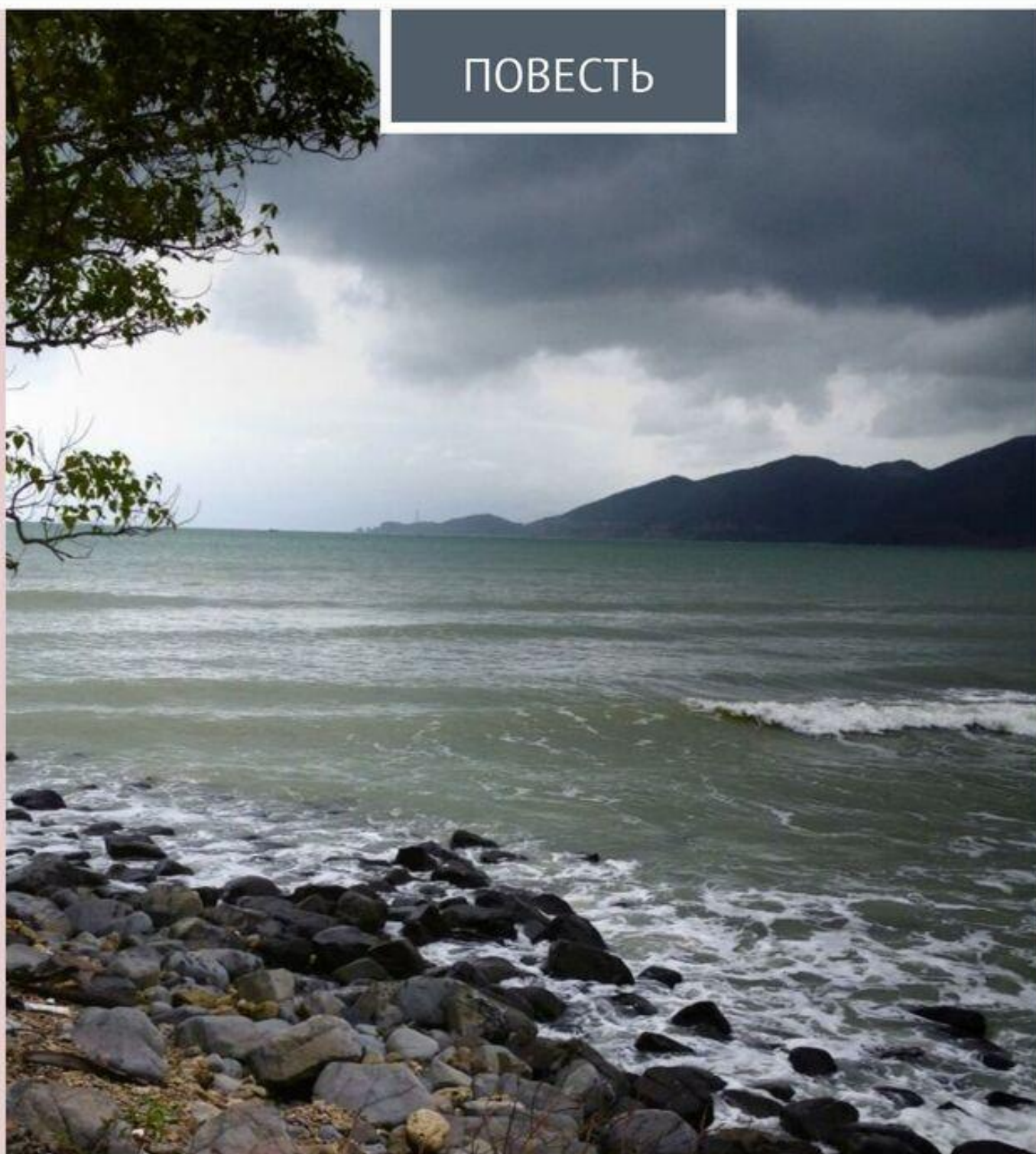

18+

НИКОЛАЙ В. НЕЛИДОВ

Дыхание под водой

ПОВЕСТЬ

Николай Нелидов

Дыхание под водой. Повесть

«Издательские решения»

Нелидов Н. В.

Дыхание под водой. Повесть / Н. В. Нелидов — «Издательские решения»,

Глеб, успешный IT-предприниматель, приезжает на Мальдивы с женой Евой и другом Игорем. Он мучительно боится воды и провала в глазах жены. Серия погружений превращается в череду испытаний, где страх — главный враг. Но через риск, отчаяние и встречу с опытным дайвером Максом Глеб учится «дышать под водой» — в прямом и переносном смысле. Это история о преодолении, переоценке ценностей и любви, которую нужно поливать каждый день. Книга содержит нецензурную брань.

© Нелидов Н. В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Лагуна	6
Глава 2. Вечер первого дня	10
Глава 3. Ночной разговор с Максом	13
Глава 4. Утро перед «Камбалой»	15
Глава 5. «Камбала»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дыхание под водой

Повесть

Николай В. Нелидов

Дизайнер обложки Николай Владимирович Ромащенко

© Николай В. Нелидов, 2026

© Николай Владимирович Ромащенко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-0792-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Лагуна

Бунгало стояло на сваях прямо над водой. Было слышно, как внизу, под деревянным полом, плещет волна. Утро ещё не стало жарким, но свет уже был резким, как порез стеклом. Кондиционер гудел ровно, но за тонкой шторой ощущалась неизбежность наступления тропического дня.

Глеб сидел на краю постели и смотрел на жену. Ева спала, накрывшись простынёй до пояса. Спина её была смуглой и гладкой. Она всегда спала на правом боку, поджав колени, как ребёнок, хотя в жизни никогда не была беззащитной. Он знал это. Знал и другое: она просыпается мгновенно, без переходов, и первое, что он увидит в её глазах, — не сонную муть, а ясный, оценивающий взгляд. Это была её особенность. Так было всегда, с самой первой их ночи. Она не дарила себя — она позволяла быть рядом, пока он этого стоил.

Он не хотел её будить, но знал, что через час надо быть на пирсе. Инструктор разумеется подождёт, клиенты как никак, но неудобно все равно будет.

Вчера был первый тренировочный спуск в лагуне. Глеб помнил, как вдохнул сжатый воздух из баллона впервые. Воздух был сухой, с привкусом металла. Это было хорошо. Плохо было, когда на глубине трёх метров он попытался выровнять давление в ушах и не смог. Боль была острой, как будто в барабанную перепонку воткнули иглу. Он задёргался, выдохнул столб пузырей и рванул вверх. На поверхности сорвал маску и увидел инструктора Макса. Тот смотрел без осуждения — так смотрят на погоду, которую нельзя изменить, — но Глеб почувствовал себя так, словно его поймали на воровстве.

— Ничего, — сказал Макс. — У всех бывает. Завтра будет легче.

Глеб знал наверняка, что легче не станет. Лёжа без сна, он снова и снова прокручивал этот момент и знал: сегодня опять не сможет продуться. Знал, что Ева посмотрит на него так, как смотрела в прошлом году в Куршевеле.

Он вспомнил ту трассу. Красная, обледенелый склон, утреннее солнце било в глаза. Ева стояла на старте, опершись на палки, прямая, как струна. «Пойдём вместе?» — спросила она. «Иди, я догоню», — ответил он. Она пошла. Он видел, как она уходит вниз по буграм, чисто, технично, ни одного лишнего движения. А он стоял и не мог заставить себя оттолкнуться. В груди сидел холодный ком. Не страх упасть — страх опозориться. И он пропустил её. Потом, в ресторане у подъёмника, она пила глинтвейн и болтала с инструктором — французом с обветренным лицом, — а Глеб сидел рядом и молчал. Вечером он сказал: «Трасса была дерьмовая, лёд». Она посмотрела на него и ответила: «Да, лёд». И всё. Только взгляд. Такой же, какой будет сегодня, если он опять не справится.

Он встал и пошёл в ванную. Почистил зубы, глядя в зеркало. Лицо было уставшим, но не старым. Ему, Глебу Аркадьевичу Вяземскому, успешному IT-предпринимателю, более чем удачно продавшему долю в «стрельнувшем» стартапе, было тридцать семь. Это не возраст для мужчины, особенно, если он держит себя в форме. А форму он держал. Физическую. Имел широкие плечи и рельефный пресс благодаря железкам, которые он ворочал три раза в неделю в своем московском элитном фитнес клубе. Но, не смотря на это, в его серо-голубых глазах — в самой их глубине, сидело то, что не убрать никаким железом. Страх. Тот самый животный и малообъяснимый страх, который мог вызвать слабину в самый напряженный момент жизни. И этот факт пожирал Глеба изнутри, хотя он этого старался не показывать. С Евой они были женаты уже пять лет, и он понимал, что супруга прочитала сразу этот его маленький изъян.

Когда он вышел, она уже не спала. Сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела на лагуну через стеклянную дверь. Её тёмные волосы были собраны в низкий пучок, в ушах — маленькие бриллиантовые гвоздики, которые он подарил ей на вторую годовщину.

Она выглядела так, как выглядит женщина, которая не нуждается в каких-то массивных украшениях, чтобы быть красивой. Лёгкое подчеркивание — это другое дело.

— Ты сегодня справишься, — сказала она, не оборачиваясь.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Кофе будешь?

— Буду.

Она позвонила на ресепшн и заказала завтрак на веранду. Говорила по-английски чисто, без усилия. Она всё делала без видимого усилия — это было одной из тех вещей, которые Глеба восхищали и пугали в ней одновременно. Ева Вяземская, урождённая Морозова, была бывшей 29-летней моделью. Сейчас — «арт-директор» их общей жизни. Ева была красивой той спокойной, скульптурной красотой, которая не требует доказательств. В ней был тот благородный холод, который она как бы стесняясь прятала под светской улыбкой. Она была не злая, но ее внутренний сытый хищник прекрасно знал вкус крови. Глеба она скорее все-таки любила, несмотря на его слабость. Её оружие — молчание. Отец — дипломат, мать — пианистка. Выросла в Лондоне и Риме, но осталась русской той особой, трудноуловимой рускостью, которая прячется не в языке, а в устройстве души. Они познакомились пять лет назад на показе молодых дизайнеров. Она тогда сотрудничала с одним из них — ставила музыку, подбирала свет. Глеб пришёл как инвестор. Увидел её через весь зал — высокую, с прямой спиной и тяжелой копной тёмных волос, забранных в пучок. Она стояла у пульта и слушала, как кто-то говорит ей в ухо, но смотрела прямо на него. Через час они пили вино в баре на Патриарших. Через месяц он сделал предложение. Она сказала: «Давай попробуем, но я не обещаю, что будет легко». Он подумал тогда — кокетничает. Она не кокетничала.

Завтрак принёс босой мальдивец в белой рубашке. Свежие фрукты, тосты, яйца-пашот, графин с ледяным апельсиновым соком. Кофе был чёрным и крепким. Они ели молча. Вода под бунгало была так прозрачна, что было видно стайку рыб-бабочек, снующих вокруг свай.

— Знаешь, что сказал Макс? — спросила Ева, намазывая масло на тост.

— Что?

— Он сказал, что ты держишься под водой напряжённо. Как будто ждёшь удара.

— Это плохо?

— Это можно исправить. Он сказал, что нужно довериться воде. Она держит. Он сказал — вода чувствует страх, как лошадь.

Глеб хмыкнул.

— Он у тебя философ.

— Он у меня никто. Он инструктор. Но говорит дело.

Она доела тост, вытерла тонкие музыкальные пальцы салфеткой и встала.

— Собирайся. Пора.

Пирс был белым от соли и солнца. Макс, инструктор по дайвингу, проверял регуляторы. Он делал это не спеша, как будто у него в запасе было всё время мира. Его движения были экономны и точны — руки, привыкшие к работе, не делали ничего лишнего. Загорелый до цвета красного дерева, с коротким ёршиком слегка тронутых сединой волос и шрамом, который пересекал левую лопатку и исчезал под лямкой майки. Ему, Максиму (Максимилиану) Ланге было сорок пять, но выглядел он так, как выглядят люди, которые живут вне возраста, — не молодо и не старо, а просто прочно. Немец, из бывших военных водолазов. Говорит по-русски с легким акцентом, но мат знает в совершенстве. Он спокоен так, как спокойны люди, которые видели смерть под водой и не делают из этого трагедии. Он — профессионал, а не собутыльник. За деньги катает богатых клиентов, но меру их ничтожества видит сразу. Глеб с первого дня чувствовал к нему смесь уважения и смутной неприязни, причину которой не хотел называть даже себе.

Рядом на деревянном настиле лежали четыре комплекта снаряжения: жилеты-компенсаторы, баллоны с яркой маркировкой, ласты, маски. Всё было разложено по секторам, как инструменты в операционной.

Игорь уже сидел в тени под тентом и пил пиво из банки, хотя было только девять утра. Он был бледен, с рыхлой грудью и красными прожилками на носу. Его майка с крупной кричащей надписью «I'm not a player, I'm a gamer» и помельче — «Players get chicks. I get achievements», промокла под мышками. Он смотрел, как Макс работает, и в его взгляде читалась та особенная смесь иронии и зависти, которую Глеб знал с детства.

— Ты их прямо с утра пивом травишь? — спросил Игорь, кивая на баллоны.

— Это найтрокс, — сказал Макс, не поднимая головы. — Обогащённая кислородом смесь. Меньше азота, меньше усталости после погружения.

— А, ну да. Химия.

Игорь был другом детства. Завистлив, трусоват, много пил и поэтому был взят на Мальдивы из жалости, а еще, чтобы было с кем выпить, когда Ева молчит. Они с Глебом росли в одном дворе в Чертанове. Вместе играли в футбол на коробке, вместе начинали программировать на «Корветах» и «Спектрумах». Но потом дороги разошлись. Глеб выучился, ушёл в стартап, рискнул, выиграл. Игорь тоже пробовал, но раз за разом натывался на свой собственный характер — мягкий, уступчивый, боящийся резких движений. Он переходил из компании в компанию, нигде не задерживаясь надолго, часто занимал у друга деньги, которые всегда отдавал, но с опозданием. Глеб тащил его за собой из чувства вины — непонятной, иррациональной вины успешного перед неудачником. Ева терпела Игоря. Она понимала, что он для Глеба — якорь в прошлое, напоминание о том, откуда он вылез. И она понимала, что этот якорь Глебу нужен.

— Ты сегодня с нами? — спросил Глеб, застёгивая гидрокостюм.

— Не, я пас, — Игорь отхлебнул пива. — У меня с ушами беда. Не продуваются. Врач сказал — нельзя глубоко.

Он врал. Никакого врача не было. Был страх воды, тёмной и глубокой, — страх, который он не мог перебороть. Глеб знал это и не давил.

— Ладно, сиди на палубе, загорай.

— Вот за этим я сюда и приехал, — Игорь растянул губы в улыбке. — Солнце, пиво, и чтобы меня не трогали.

Пришла Ева. На ней был белый раздельный купальник, тот самый, в котором она была в прошлом году на Сардинии и который Глеб особенно любил. Она двигалась по пирсу легко, не обращая внимания на доски, нагретые солнцем так, что Игорь подпрыгивал, ступая по ним босиком. Она никогда не жаловалась на жару, холод, ветер. Она принимала погоду как факт.

Макс поднял на неё глаза. Посмотрел ровно, как смотрят на часть пейзажа — на облако, на волну. И тут же вернулся к снаряжению.

— Готова? — спросил он.

— Всегда готова, — ответила она.

Игорь хмыкнул. Глеб сделал вид, что не заметил.

Они погрузились с пирса. Вода была тёплой у поверхности и прохладной на глубине. Макс шёл первым, показывая дорогу. Они прошли над лужайкой кораллов, над затонувшим остовом старого дони¹. Рыбы-попугаи грызли кораллы, и хруст был слышен даже под водой.

Глеб, как и вчера, не смог продуть левое ухо на трёх метрах. Боль была глухой, ноющей. Он повис на месте, сжал пальцами нос, подул изо всех сил — продувался. Ухо не открывалось.

¹ **Дони** — это традиционное многоцелевое парусное судно с мотором или латинскими парусами, которое используется на Мальдивах, в Южной Индии и на Шри-Ланке. Различаясь по размеру и форме, они используются в качестве рыболовецких судов, паромов, торговых и грузовых судов.

Он стиснул зубы и пошёл дальше, терпя боль. На восьми метрах ухо щёлкнуло и открылось. Боль ушла мгновенно, сменившись облегчением. Он выдохнул — из регулятора пошли пузыри — и поплыл дальше.

Ева оглянулась. Увидела, что он справляется. И отвернулась. Этого маленького жеста — «справляешься, хорошо» — хватило, чтобы он почувствовал тепло в груди, несмотря на прохладную воду.

Макс плыл впереди, и Глеб смотрел на его ласты, на то, как ровно и экономно они движутся, почти не тревожа воду. Он подумал о том, что Макс, наверное, единственный человек здесь, кто вообще не думает о том, как выглядит. Он просто делает своё дело. И от этого становился ещё более опасным — или ещё более надёжным. Глеб ещё не решил, что именно.

Они пробыли под водой сорок минут. Когда вышли, Игорь спал в тени, и банка из-под пива плавала у пирса, подхваченная приливом. Макс выловил её и молча бросил в мусорный бак.

— До завтра, — сказал он. — Завтра пойдём на «Камбалу». Будет глубоко. Готовься.

— Я готов, — сказал Глеб.

Макс посмотрел на него секунду дольше, чем нужно.

— Посмотрим, — сказал он и пошёл по пирсу к своему бунгалу.

Глеб остался стоять. Ева уже ушла вперёд. Игорь проснулся и теперь тёр глаза.

— Чего он сказал? — спросил он. — «Посмотрим»? Что это значит?

— Это значит — посмотрим, — ответил Глеб.

И пошёл следом за Евой.

Глава 2. Вечер первого дня

Солнце зашло быстро, без долгих сумерек, как всегда в тропиках. Камни на пляже ещё дышали жаром, но с океана тянуло прохладой. Глеб сидел на веранде бунгало в плетёном кресле и смотрел, как вода меняет цвет с бирюзового на серый, а потом на чёрный. В руке у него был стакан виски. Лёд звякал, потому что руки дрожали — не от холода, от напряжения. Он думал о том, что дважды за день показал слабость. Сначала с ухом, потом там, на рифе, когда паника сжала лёгкие. Макс это видел. Ева, наверное, обсуждает это сейчас про себя и молчит. Игорь — тот просто ничего не заметил, потому что спал.

В бунгало было тихо. Ева принимала душ. Глеб слышал сквозь приоткрытую дверь шум воды и лёгкий плеск — она мыла голову. Этот звук был мирным, почти домашним, и на минуту ему стало легче. Он вспомнил, как в Москве по утрам слушал тот же звук из ванной, пока варил кофе. Тогда всё было проще. Тогда он ещё не знал, что она ждёт от него чего-то, чего он, кажется, дать не может.

Она вышла в лёгком белом платье, которое оставляло плечи открытыми. Волосы были ещё влажными, и она расчёсывала их гребнем, стоя у двери. В сумерках её кожа казалась фарфоровой.

— Ты пьёшь один, — сказала она. Это был не упрёк, а скорее констатация.

— Я ждал тебя.

Она села напротив, взяла второй стакан, налила себе на два пальца виски. Добавила лёд. Их пальцы на секунду соприкоснулись, когда он передавал ей бокал, и Глеб почувствовал, что её рука тёплая.

— Ты не обязан спускаться глубоко, — сказала она, делая первый глоток.

— Я знаю.

— Это не позорно — оставаться на мели.

— Я не останусь.

Она посмотрела на него долгим взглядом, в котором он не увидел ни насмешки, ни жалости. Но любви там тоже не было. Был какой-то расчёт, как будто она прикидывала, сколько ещё в нём осталось прочности.

— Ты злишься на себя, а не на меня, — сказала она.

— Я не злюсь.

— Злишься. Это хорошо. Злость сушит страх.

Она сказала это так, будто знала, что такое страх. Хотя он не мог представить Еву напуганной. Ни в Москве, ни здесь.

— Ты похож на своего отца, — сказала она вдруг.

Глеб замер. Это прозвучало неожиданно, даже обидно, но Ева никогда не бросалась словами, чтобы ранить. Она говорила то, что думала. И от этого было только тяжелее.

— В каком смысле?

— Он ведь тоже всё доказывал, да?

Глеб промолчал. Отец. Аркадий Борисович Вяземский. Доктор физико-математических наук, профессор. Человек, который ушёл из семьи, когда Глебу было двенадцать. Не к другой женщине — в науку. Просто однажды перестал приходить домой, остался ночевать в лаборатории, а потом прислал матери записку: «Я так больше не могу. Прости». Мать не простила. Глеб тоже не простил, хотя потом, много лет спустя, они виделись несколько раз. Отец постарел, стал мягче, говорил о том, что «жизнь — это череда упущенных возможностей». Глеб слушал его и чувствовал внутри пустоту. Он не хотел быть таким, как отец. И в то же время боялся, что уже стал.

— Я не похож на него, — сказал он тише, чем собирался.

— Нет, похож. Ты тоже уходишь. Не физически — эмоционально. Когда тебе страшно, ты закрываешься. Я не могу до тебя достучаться.

Она сказала это без упрёка. Просто констатировала факт. И от этого было больше, чем если бы она кричала.

— А твои родители? — спросил он. — Они достучались друг до друга?

Ева усмехнулась. Её отец, дипломат, был человеком холодным и ироничным. Мать, музыкант, — женщиной страстной и неуравновешенной. Они прожили вместе тридцать лет, но последние десять — в параллельных мирах, встречаясь за ужином и обмениваясь новостями, как соседи по купе. Когда мать заболела, отец ухаживал за ней безупречно, но без тепла. Ева видела это и решила для себя: она не повторит их брак. Ей нужна была любовь — полная, горячая, живая. Или ничего.

— Они научили меня одному, — сказала она. — Худшее, что можно сделать с любовью, — это оставить её без ухода. Как сад. Если не поливать, засохнет.

— Ты думаешь, наш сад засох?

— Нет ещё. Но земля сухая, Глеб. Очень сухая.

Она поставила стакан на стол и поднялась. Подошла к перилам веранды, оперлась на них и стала смотреть в темноту. Ветер шевелил её платье. Глеб смотрел на её спину, на прямые плечи, на то, как она держит голову — чуть набок, будто прислушиваясь к чему-то, чего он не слышит. Ему хотелось подойти и обнять её, но он знал, что сейчас это будет неправдой. Она хотела не объятий. Она хотела, чтобы он перестал бояться.

— Я завтра пойду на «Камбалу», — сказал он. — Первым.

— Макс сказал?

— Он предложил. Я согласился.

Она обернулась. В неверном свете лампы её лицо было полускрыто тенью.

— Это хорошо. Макс знает, что делает.

— Ты ему доверяешь?

— Да. А ты?

— Не знаю. Он слишком спокойный. Как будто у него внутри всё уже решено. Меня это напрягает.

— Тебя напрягает то, что он сильнее тебя, — сказала Ева спокойно. — Но сила — это не соревнование. Макс сильный, потому что он давно живёт. И он знает: самое страшное — это не умереть. Самое страшное — не жить, пока жив.

Она вернулась к столу, взяла стакан, допила виски.

— Я пойду спать. А ты, если хочешь, посиди ещё. Только не пей много. Завтра глубина.

Она наклонилась и поцеловала его в висок. Поцелуй был лёгким, почти сестринским. И от этого у Глеба сжалось сердце. Она ушла в спальню, а он остался на веранде.

Некоторое время он сидел один, допивая виски. Потом встал и прошёлся по деревянному настилу босиком. Доски были ещё тёплыми. Где-то вдалеке играла музыка — тягучая, местная. С океана тянуло солью. Он думал о том, что сказала Ева: «Худшее — оставить любовь без ухода». Он никогда не думал о любви как о саде. Скорее — как о битве, которую нужно выиграть. Но, может быть, она была права. Может быть, любовь — это не битва. Может быть, это просто нечто живое, требующее полива.

С пирса донёсся чей-то голос. Игорь. Он проснулся и теперь брёл к бунгалу, пошатываясь. Глеб спустился и встретил его на полдороге.

— Ты как? — спросил он.

— Жить буду, — Игорь потёр лицо. — Слушай, я проспал полдня. И знаешь, что я понял, пока спал? Ничего. Совсем ничего. И от этого паршиво.

— Завтра будет лучше.

— Ты всегда так говоришь. Но у тебя-то всё получается. А у меня — пустота.

Глеб взял его за плечо.

— Игорян, пустота — это не навсегда. Но ты должен сам её заполнить. Я не могу это сделать за тебя.

Игорь кивнул, но было видно, что он не верит. И всё же что-то в его взгляде изменилось. Может быть, он впервые за долгое время услышал эти слова. Или впервые захотел услышать.

— Ладно, иди спать, — сказал Глеб. — Завтра «Камбала».

— Ты идёшь?

— Иду.

— Ну, удачи. Я, как всегда, на берегу.

— Как всегда.

Они разошлись. Глеб вернулся в бунгало, разделся и лёг рядом с Евой. Она не спала. Он чувствовал её дыхание — ровное, спокойное.

— Я боюсь, — сказал он в темноту.

— Я знаю, — ответила она. — Но ты пойдёшь. И это главное.

Она нашла его руку и сжала. Её пальцы были тёплыми и сильными. Глеб закрыл глаза и стал слушать океан. Где-то далеко, за рифом, шумел прибой. Он шумел так же, как вчера, как будет завтра, как будет всегда. И на секунду Глебу показалось, что он слышит в этом шуме чей-то голос. Не угрожающий. Скорее, спокойный, как у Макса: «Доверься воде. Она держит». Держит тех, кто держится.

Глава 3. Ночной разговор с Максом

Глеб не мог уснуть. Он лежал в темноте и слушал, как дышит Ева. Её дыхание было ровным и глубоким — она заснула быстро, как всегда. Он ей завидовал. У него самого перед глазами стоял сегодняшний риф, стайка рыб-попугаев и этот проклятый момент на трёх метрах, когда ухо не открывалось. Он знал, что завтра будет глубже. Знал, что Макс поведёт их на «Камбалу» и что он, Глеб, должен идти первым. И боялся.

Он встал, стараясь не разбудить Еву, натянул шорты и вышел на веранду. Луна была полной и жёлтой, и вода светилась под ней, как жидкое серебро. Воздух был влажным и солёным. Он постоял минуту, вдыхая его, потом спустился на пирс.

На конце пирса кто-то сидел, спустив ноги к воде, и курил. Огонёк сигареты был единственным красным пятном в монохромном лунном мире. Глеб узнал фигуру сразу — Макс. Он не обернулся, хотя доски пирса скрипнули под шагами. Наверное, услышал, но не счёл нужным подавать знак. Глеб подошёл и сел рядом. Доски ещё хранили тепло дня.

— Не спится? — спросил Макс по-русски. Он говорил с лёгким акцентом, но чисто, как говорят люди, которые выучили язык не по учебникам, а в жизни.

— Да, — сказал Глеб. — Дай сигарету.

— Ты же не куришь.

— Сегодня буду.

Макс протянул пачку. Глеб вытянул одну, закурил. Табак был крепким, сухим, и дым обжёг горло. Он закашлялся. Макс хмыкнул, но ничего не сказал.

Они сидели молча. Луна висела низко, почти касаясь воды. Где-то далеко, за рифом, шумел прибой. В лагуне было тихо, только плескала волна под пирсом.

— Ты боишься, что женщина подумает, будто ты трус, — сказал Макс без перехода. Это был не вопрос.

Глеб затаился и промолчал. Он знал, что врать Максу бесполезно. Тот видел всё — там, под водой, когда Глеб задёргался и рванул наверх. Видел, как он часто дышал, как тратил воздух втрое быстрее, чем нужно. Видел и ничего не сказал тогда. Но сейчас говорил.

— Под водой страх убивает быстрее, чем акула, — продолжал Макс. — Она не думает. Она видит, как ты дышишь. Часто, поверхностно. Это плохой знак.

— Я знаю.

— Знаешь — и всё равно дышишь часто. Значит, не знаешь. Знание — это когда тело помнит, а не голова.

Глеб посмотрел на него. Лицо Макса в лунном свете казалось вырезанным из дерева — резкие скулы, глубокие глазницы, шрам, уходящий под воротник.

— Откуда ты так хорошо знаешь русский? — спросил Глеб. Ему нужно было отвлечься, перевести разговор.

— Служил в армии ГДР, в водолазной части. Мы часто работали с вашими. Тогда и выучил. Потом, когда стена упала, поехал в Россию — думал, будут заказы. Заказов не было, но язык остался.

— Ты был военным водолазом?

— Да. Сначала бундесвер, потом частные контракты. Разминирование, подъём обломков, поиск тел. Грязная работа, но платили хорошо.

— Поэтому у тебя шрам через лопатку?

— Нет, это акула. Шёлковая. На Сейшелах. Дурак был — полез кормить с рук.

Он сказал это буднично, как говорят о порезах на кухне. Глеб усмехнулся. Ему нравилось, как Макс говорит о страхе — без рисовки, без героизма, просто как о рабочем моменте.

— Что мне делать? — спросил он. — С этим. С частым дыханием.

— Завтра пойдём на «Камбалу». Это затонувший траулер. Тридцать метров. Ты пойдёшь первым. Я за тобой. Она — за нами. Если не хочешь — не ходи. Я скажу ей, что отменили.

— Нет. Я пойду.

Макс кивнул, будто и не ждал другого ответа. Бросил окурок в воду. Тот зашипел и погас, подхваченный мелкой волной.

— Завтра прилив будет сильный. Течение может быть жёстким. Слушай меня и делай, что я говорю. Никакой самодеятельности.

— Хорошо.

— И ещё. Страх — это не враг. Враг — это стыд за страх. Если ты боишься и делаешь — ты смелый. Если боишься и не делаешь — ты просто боишься. Ничего страшного. Но твоя женщина этого не простит.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я видел её. Она не просто красивая. Она — та, кто ждёт. А такие ждать не умеют долго. Они либо дожидаются, либо уходят. И когда уходят — навсегда.

Он сказал это без тени осуждения, как будто говорил о течении или ветре. И Глебу вдруг стало легко от этой прямооты. Ему надоело ходить вокруг правды. Надоело угадывать, что Ева думает на самом деле. Макс говорил то, что видел. И это было как глоток холодной воды.

— У тебя была женщина, которая не дождалась? — спросил Глеб.

Макс помолчал. Луна ушла за облако, и его лицо на минуту стало совсем тёмным.

— Была. В Мозамбике. Мы работали на подъёме вертолёта. Я не смог вытащить пилота. Она была его сестрой.

Он больше ничего не сказал. Глеб понял: тема закрыта. Он и так уже услышал больше, чем рассчитывал.

Макс встал, отряхнул шорты от песка.

— Отдыхай. Завтра в семь на пирсе. Не опаздывай.

— Не опоздаю.

Макс пошёл по пирсу к своему бунгалу. Его фигура растворялась в темноте, пока не исчезла совсем. Глеб остался сидеть. Докурил сигарету, глядя, как луна снова выходит из-за облака и заливают лагуну серебром. Он думал о том, что сказал Макс: «Стыд за страх — вот враг». Он думал о Еве, которая спит сейчас в бунгалу. О том, как она сказала: «Ты похож на отца». Он знал, что это правда. Знал, что отец всю жизнь доказывал — и не доказал. Ушёл, потому что устал бояться своего страха.

Глеб не хотел уходить.

Он бросил окурок в воду, встал и пошёл обратно в бунгалу. Ева спала в той же позе, на правом боку, поджав колени. Он лёг рядом, стараясь не потревожить её. Но она, не просыпаясь, подвинулась ближе и положила голову ему на плечо. Её волосы пахли кокосовым шампунем и солью.

Глеб закрыл глаза. В голове звучали слова Макса: «Вода чувствует страх, как лошадь». Он не знал, что будет завтра. Но он знал, что пойдёт. Первым.

Глава 4. Утро перед «Камбалой»

Глеб проснулся затемно. За тонкой шторой только начинало сереть, и океан был ещё не бирюзовым, а стальным. Он лежал неподвижно, чувствуя, как внутри медленно просыпается то самое, с чем он боролся последние двое суток, — холодный, липкий страх. Но сегодня к нему примешивалось что-то ещё. Может быть, злость. Может быть, упрямство. Он вспомнил слова Макса на пирсе: «Страх — не враг. Враг — стыд за страх». И ещё слова Евы: «Злость сушит страх». Он держался за них, как за ступеньки трапа.

Ева ещё спала. Он осторожно, чтобы не разбудить, выбрался из-под простыни и вышел на веранду. Воздух был прохладным — редкая милость перед жарким днём. Вода под бунгало была спокойной, и в ней отражались первые розовые мазки рассвета. Глеб сел в плетёное кресло, вытянул босые ноги и стал ждать, пока проснётся организм. Это был его ритуал — десять минут тишины перед тем, как начать день.

С кухни донёсся шум. Не Ева — она спала. Глеб обернулся и увидел Игоря. Тот возился с кофе-машиной, согнувшись над ней, как над сложным прибором. Он был одет в мятые шорты и футболку с геймерской надписью, которая, казалось, приросла к нему. Лицо его было осунувшимся, но глаза — ясными. Такими Глеб их не видел давно.

— Ты чего в такую рань? — спросил Глеб.

— Я и не ложился, — Игорь выпрямился и протянул ему кружку кофе. Кофе был чёрным и обжигающим.

— Совсем?

— Совсем. Сидел на пирсе, смотрел на звёзды и думал.

— О чём?

Игорь сел в соседнее кресло, обхватил кружку обеими руками, как будто грелся, хотя воздух уже начал теплеть.

— О том, что я никто, Глеб. Если бы меня сейчас смыло волной — никто бы не заметил. Ну, может, ты бы заметил. Но толку? Я за сорок лет ничего не сделал. Ни семьи, ни дела, ни дома. Даже страха настоящего не испытал. Только мелкий, от которого пьют.

Глеб отпил кофе. Врать не хотелось. Жалеть — тоже. Он помнил, как отец говорил ему в детстве: «Жалость унижает того, кого жалеют». Это было одно из немногих отцовских правил, с которым он был согласен.

— Игорь, страх — он разный. Ты боишься не воды. Ты боишься, что попробуешь — и не получится. И тогда придётся признать, что ты не пробовал не потому, что не хотел, а потому, что не верил в себя.

— Ну да, — Игорь кивнул. — Так и есть.

— Так попробуй. Не в дайвинге. В чём-то другом. У тебя мозги работают. Ты же код пишешь лучше меня, я помню.

— Лучше, — согласился Игорь без хвастовства. — Но код — это не жизнь. Код — это когда ты управляешь. А жизнью управлять я не умею.

— Никто не умеет. Я тоже не умею. Просто я делаю вид. И иногда это становится правдой.

Игорь замолчал надолго. Пил кофе мелкими глотками. Потом поставил кружку на стол и сказал:

— Знаешь, я ведь на тебя зуб имел. Давно. Ещё когда ты стартап запустил, а я остался в той дыре. Думал — ты сука удачливая, просто повезло.

— Отчасти повезло.

— Нет. Я теперь вижу. Ты лезешь туда, где страшно. Я — нет. Вот и вся разница. Ты лезешь, а я сижу на берегу и пью пиво.

Глеб посмотрел на друга. В утреннем свете его лицо казалось почти прозрачным — усталое, но какое-то новое, будто ночь без сна что-то в нём сдвинула.

— Сегодня я иду на «Камбалу», — сказал Глеб. — Тридцать метров. Затонувший корабль. Первый раз по-настоящему глубоко.

— Боишься?

— Боюсь.

— Но пойдёшь.

— Пойду.

Игорь кивнул каким-то своим мыслям. Потом вдруг сказал:

— Я, наверное, тоже когда-нибудь попробую. Не знаю когда. Но попробую.

— Попробуй.

Из спальни вышла Ева. Она была в лёгком халате, волосы распущены, глаза ещё сонные. Увидела их обоих на веранде и улыбнулась — той редкой утренней улыбкой, которую Глеб любил больше всего, потому что в ней не было расчёта, только тепло.

— Завтракаем? — спросила она.

— Завтракаем, — ответил Глеб.

Завтрак прошёл почти молча. Ева заказала на ресепшн те же фрукты, тосты и яйца. Игорь ел мало, но кофе выпил три чашки. Когда допили, он встал и сказал:

— Я сегодня с вами не иду, но буду на пирсе. Провожу.

— Проводи, — сказала Ева. — Это важно.

Через час они были на пирсе. Макс уже раскладывал снаряжение. Четыре комплекта лежали на досках, но Глеб знал, что один из них — Игоря — так и останется лежать.

Глава 5. «Камбала»

Утро было ветреным. Дони швыряло на волнах, и брызги долетали до кокпита. Катер Макса был старым, но ухоженным — деревянный корпус, выкрашенный белым, два подвесных мотора «Ямаха», тент, под которым можно было укрыться от солнца. Он назывался «Иру», что на языке дивехи² значит «солнце». Сейчас солнце было затянуто рваными облаками, и свет казался размытым, нерезким. Пахло солью, рыбой и выхлопом.

Игорь все таки поехал с ними. Он сидел на корме, держась за поручень побелевшими пальцами. Его укачало почти сразу, как вышли из лагуны, и он уже дважды тошнил за борт. Но держался. Не просился обратно. Глеб заметил это и ничего не сказал — не хотел сглазить.

Ева сидела на деревянной банке у левого борта, прямая, как струна, и смотрела на горизонт. Ветер трепал её волосы, но она не обращала внимания. На ней был всё тот же белый купальник, а поверх — короткий гидрокостюм, расстёгнутый до пояса. Она казалась спокойной. Глеб знал: она всегда так выглядит перед тем, что требует собранности. Ни страха, ни бравады. Просто готовность.

Макс стоял у штурвала. Он вёл катер молча, изредка поглядывая на навигатор и на небо. Его лицо ничего не выражало. Он был в своей стихии — между водой и ветром, на полпути к глубине.

— Держимся левее рифа, — сказал он, не оборачиваясь. — Там течение спокойнее. Придём к «Камбале» с кормы.

— Далеко ещё? — спросил Глеб.

— Минут десять. Готовь снаряжение.

Глеб наклонился к своему комплекту. Проверил воздух — полный баллон. Проверил регулятор — дышал ровно, без заеданий. Плюнул в маску, растёр слюну по стеклу. Пальцы делали всё сами, без участия головы, — сказались тренировки с Максом. Голова в это время была занята другим.

Он вспомнил сегодняшний рассвет. Разговор с Игорем. Слова Макса на ночном пирсе: «Страх — не враг. Враг — стыд за страх». Он прокручивал их снова и снова, как мантру. Он знал: если он сегодня испугается и побежит — всё кончится. Не дайвинг. Жизнь.

Дони замедлил ход. Макс сбросил газ, и моторы затарахтели вхолостую. Они были над точкой. Глеб посмотрел за борт. Вода здесь была другого цвета — не бирюзовая, как в лагуне, а тёмно-синяя, почти чернильная. Глубина чувствовалась даже через поверхность. Где-то там, в тридцати метрах внизу, лежал траулер.

— Погружение дрифтовое, — повторил Макс. — Идём по течению. Сначала якорный канат, потом резкий спуск до двадцати пяти. Потом траверс, и выходим на корму «Камбалы». Внутрь не заходим — только снаружи. Декомпрессия — пять минут на десяти метрах. У всех воздух — тридцать два процента найтрокса. Вопросы?

— Нет, — сказал Глеб. Ева просто кивнула.

Макс посмотрел на Глеба дольше, чем нужно.

— Ты идёшь первым. Я замыкаю. Ева — посередине. Если что-то не так — сигналишь и всплываешь. Без геройства.

— Понял.

Глеб натянул маску, взял регулятор в рот и первым шагнул за борт. Вода приняла его с глухим всплеском. На секунду всё исчезло — звуки, небо, катер. Только синева. Потом он вынырнул, проверил сигнал «О'кей», дождался Еву и Макса, и они втроем начали погружение.

² Официальный язык Мальдивских островов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.